

ED  
GAS  
OUT  
ORTS

Фред Варгас

Мертвые, вставайте

серия  
"Лекарство  
от скуки"

Составитель  
М. Абукин



Издательство "Иностранка"

# Фред Варгас

## МЕРТВЫЕ, ВСТАВАЙТЕ!

*OCR Busya*

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=159072](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=159072)*

*Фред Варгас «Мертвые, вставайте!» серия «Лекарство от скуки»:  
Иностранка; Москва; 2007*

### Аннотация

Однажды утром София Симеонидис, в прошлом оперная певица, обнаружила у себя в саду незнакомое деревце. Бук. Кто его посадил? И зачем? Пьеру, мужу Софии, нет дела до этих странностей. Однако она встревожена, теряет сон и наконец просит своих соседей, трех молодых чудаковатых историков, выкопать под деревом яму, чтобы узнать, не захоронено ли под ним что-нибудь... А еще через несколько недель София исчезла. Вскоре нашли обгоревший труп. Ее труп? Полиция ведет расследование. Соседи тоже. Им нравилась София. Внезапное появление бука кажется теперь еще более загадочным...

# Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| 1                                 | 4  |
| 2                                 | 11 |
| 3                                 | 15 |
| 4                                 | 23 |
| 5                                 | 27 |
| 6                                 | 30 |
| 7                                 | 34 |
| 8                                 | 47 |
| 9                                 | 50 |
| 10                                | 54 |
| 11                                | 58 |
| 12                                | 67 |
| 13                                | 79 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 85 |

# Фред Варгас

## Мертвые, вставайте

*Моему брату*

### 1

– Что-то не так с нашим садом, Пьер, – сказала София.

Она открыла окно и оглядела клочок земли, где знала каждую травинку. От увиденного у нее по спине пробежал холодок.

Пьер завтракал и читал газету. Наверное, поэтому София все чаще смотрела в окно. Узнать, какая погода. Так нередко делают по утрам. Каждый раз, когда было пасмурно, она думала о Греции. Неподвижное созерцание постепенно заполнялось тоскливыми воспоминаниями, у которых порой был горький привкус. Потом все проходило. Но сегодня в саду что-то не так.

– Пьер, в саду дерево.

Она присела рядом.

– Посмотри на меня, Пьер.

Пьер поднял к жене усталое лицо. Привычным жестом, сохранившимся с той поры, когда она была певицей, София поправила шейный платок. Держать голос в тепле. Двадцать

лет тому назад на каменных ступенях театра в Оранже Пьер возвел перед ней непоколебимую скалу любовных клятв и заверений. Прямо перед спектаклем.

София не дала хмурому любителю газет опустить голову.

– Что на тебя нашло, София?

– Я кое-что сказала.

– Да?

– Я сказала: «В саду дерево».

– Я слышал. Но ведь так и должно быть?

– В нашем саду растет дерево, которого не было вчера.

– Ну и что с того?

Софии было не по себе. Она не знала, в газете ли дело, в усталом взгляде или в дереве, но ясно, что что-то не так.

– Объясни мне, Пьер, как это дерево могло само появиться в саду.

Пьер пожал плечами. Ему совершенно безразлично.

– Что за важность! Деревья размножаются. Семя, росток, побег – и пожалуйста. В нашем климате так вырастают целые леса. Думаю, ты и без меня знаешь.

– Но это не побег. Это дерево! Молодое стройное деревце, с ветвями и всем прочим, выросло само по себе в метре от задней стены. И что ты об этом думаешь?

– Думаю, его посадил садовник.

– Садовник уехал на десять дней, и я ни о чем его не просила. Так что это не садовник.

– Мне все равно. Неужели ты полагаешь, что я стану пе-

реживать из-за стройного деревца у задней стены?

– Ты не хочешь встать и взглянуть на него? Сделай хотя бы это.

Пьер тяжело поднялся. Ему так и не дали насладиться газетой.

– Видишь?

– Вижу, конечно. Дерево.

– Вчера его там не было.

– Очень может быть.

– Так и есть. Что будем делать? Как ты думаешь?

– Что тут думать?

– Это дерево меня пугает.

Пьер засмеялся. Даже сделал ласковый, хоть и мимолетный жест.

– Правда, Пьер. Оно пугает меня.

– А меня – нет, – сказал он, усаживаясь обратно. – Визит этого деревца мне даже приятен. Давай просто оставим его в покое. А ты оставишь в покое меня. Может быть, кто-то ошибся садом, тем хуже для него.

– Но его посадили ночью, Пьер!

– Тем легче было перепутать сад. Или же это подарок. Тебе это в голову не пришло? Какой-нибудь поклонник тайно отметил твоё пятидесятилетие. Поклонники способны на такие несуразные выходки, особенно поклонники-мыши, безвестные и упорные. Пойди взгляни, может, там и записка есть.

София задумалась. Мысль была не так уж глупа. Пьер подразделял поклонников на две большие категории. К первой относились поклонники-мыши – боязливые, нервные, безмолвные и неистребимые. Пьер знал одну мышку, за зиму перетаскавшую в резиновый сапог целый пакет риса. По зернышку. Поклонники-мыши именно таковы. Ко второй категории относились поклонники-носороги, по-своему столь же устрашающие, но шумные, громогласные и уверенные в себе. Эти две категории Пьер разбивал на множество подкатегорий. София хорошенько всего не помнила. Пьер презирал и поклонников, которые были до него, и тех, что появились позднее, то есть всех. Но насчет дерева он, возможно, прав. Может быть, но не наверняка. Она слышала, как Пьер сказал: «до-свиданья-до-вечера-не-беспокойся-об-этом», и осталась одна.

С деревом.

Она пошла и осмотрела его. С такой опаской, будто оно могло взорваться.

Ясно, никакой записки там не было. Только круг свежескопанной земли у подножия дерева. Что за дерево? София несколько раз обошла вокруг него, хмурая и настороженная. Она склонна была думать, что это бук. Склонялась она и к тому, чтобы выдернуть его из земли, но, будучи немного суеверной, не решалась посягать на жизнь, пусть даже и растительную. В самом деле, мало кому понравится вырывать деревья, которые ничего вам не сделали.

Она потратила много времени на поиски книги о деревьях. Помимо оперы, мифологии и ослов, София не успела в чем-либо приобрести глубоких познаний. Бук? Нельзя быть уверенной, не видя листьев. Она просмотрела указатель, чтобы узнать, не может ли дерево называться «София такая-то». Подобные скрытые почести вполне в извращенном вкусе поклонника-мыши. Это ее успокоило бы. Нет, на «Софию» ничего не нашлось. А может, существует вид «Стелиос такой-то»? Это было бы не очень приятно. Стелиос не имел ничего общего ни с мышью, ни с носорогом. И он почитал деревья. После скалы клятв, возведенной Пьером на ступенях в Оранже, София думала, как ей бросить Стелиоса, и потому пела не так хорошо, как всегда. А этот безумный грек не придумал ничего лучше, чем броситься в Средиземное море. Его выловили почти бездыханным из воды, где он бултыхался как последний дурак. Подростками София и Стелиос обожали уходить из Дельф, бродить по тропинкам с ослами, козами, и все такое прочее. Они называли это «играть в древних греков». И этот идиот хотел утопиться. К счастью, при ней была скала чувств Пьера. Теперь Софии случалось искать на ощупь ее редкие обломки. Стелиос? Угроза? Мог ли это сделать Стелиос? Да, он на такое способен. Когда его все-таки выловили из Средиземного моря, он словно одурел и орал как безумный. Сердце Софии колотилось слишком быстро. Она сделала усилие, чтобы встать, выпить стакан воды, бросить взгляд в окно.

И тут же успокоилась. Что такое взбрело ей в голову? Она глубоко вздохнула. Эта ее манера городить ужасы на пустом месте! Почти наверняка это всего лишь бук, и ничего он не означает. Но как тот, кто его посадил, пробрался ночью в сад? София наскоро оделась, вышла, осмотрела замок в садовой решетке. Ничего примечательного. Но замок так прост, что его можно в два счета открыть отверткой, не оставив следов.

Стояла ранняя весна. Было сыро, и она зябла возле бука, глядя на него с вызовом. Бук. Бука! София оборвала себя. Она терпеть не могла, когда ее греческая душа расходилась, как сейчас, да еще два раза подряд за одно утро. Надо думать о том, что Пьеру на это дерево совершенно наплевать. А впрочем, почему ему наплевать? Разве нормально, что он до такой степени безразличен?

Софии не хотелось оставаться весь день наедине с деревом. Она взяла сумку и вышла. На улице какой-то молодой тип, лет тридцати или чуть старше, разглядывал сквозь решетку соседний дом. Дом – это громко сказано. Пьер говорил всегда «Гнилая лачуга». Он считал, что на их привилегированной улице с ухоженными домами эта пустующая уже много лет Гнилая лачуга производит гадкое впечатление. До сих пор София как-то не задумывалась о том, что с возрастом Пьер, похоже, поглупел. Теперь эта мысль закралась ей в голову. Вот и первое пагубное влияние дерева, подумала она не вполне искренне. Пьер даже велел надстроить стену меж-

ду домами, чтобы лучше отгородиться от Гнилой лачуги. Теперь ее видно лишь из окон третьего этажа. А вот молодой тип, напротив, глазел на фасад с провалившимися окнами с восхищением. Он был худ, черноволос и одет в черное, одна рука вся в массивных серебряных перстнях, лицо угловатое, лоб прижат к прутьям ржавой решетки.

Такой тип не понравился бы Пьеру. Пьер – сторонник умеренности и трезвости. А молодой тип был элегантен, одет строго и в то же время крикливо. Красивые руки вцепились в решетку. При виде его София несколько приободрилась. Поэтому, конечно, она у него и спросила, как, по его мнению, называется вон то дерево. Молодой тип оторвал лоб от решетки, оставившей следы ржавчины на его черных жестких волосах. Долго же, должно быть, он к ней прижимался. Не удивляясь и не задавая вопросов, он последовал за Софией, которая показала ему дерево, хорошо видимое с улицы.

– Это бук, мадам, – сказал молодой тип.

– Вы уверены? Простите, но это очень важно. Молодой тип посмотрел еще раз. Своими темными, еще не потускневшими глазами.

– Никаких сомнений, мадам.

– Благодарю вас, месье. Вы очень любезны.

Она улыбнулась ему и ушла. Молодой тип тоже тут же ушел, пиная носком ботинка камешек.

Значит, она права. Это бук. Просто бук.

Какая гадость.

## 2

Ну вот. Именно это и называется сидеть в дерьме. Давно ли? Да уже года два.

А на исходе двух лет – свет в конце туннеля. Марк ударил по камешку носком и отбросил его метров на шесть. На парижском тротуаре непросто найти камешек, чтобы пнуть ногой. Другое дело – в деревне. Но в деревне это ни к чему. Тогда как в Париже иногда очень нужен подходящий камешек, чтобы было по чему ударить. Иначе никак. И вот – краткий проблеск света в крошечном дерьме – час назад Марку повезло найти совершенно правильный камешек. Теперь он бил по нему ногой и шел следом.

Тот привел его, не без некоторых затруднений, на улицу Сен-Жак. Касаться камешка руками нельзя – только ногой. И так, уже два года. Без работы, без денег, а теперь и без жены. И впереди ничего хорошего. Разве что эта лачуга. Он видел ее вчера утром. Пять этажей, считая чердак, садик, на неизвестной улочке и в жалком состоянии. Всюду дыры, отопления нет, и туалет в саду, с деревянной щеколдой. Пришуриться – чудо. Открыть глаза – катастрофа. Зато владелец сдает ее за гроши, только нужно привести дом в порядок. С этой лачугой он бы выбрался из дерьма. Он поселил бы там и крестного. Чудной вопрос задала ему какая-то женщина неподалеку от лачуги. О чем она спрашивала? Ах да. На-

звание дерева. Странно, что люди ничего не смыслят в деревьях, хотя не могут без них обойтись. Возможно, по сути они и правы. Он-то названия знал, а что толку, по правде говоря?

На улице Сен-Жак камешек сбился с пути. Камешкам не нравятся улицы, идущие в гору. Он упал в водосточный желоб, да еще прямо за Сорбонной. Привет тебе, Средневековье, и прощай. Привет вам, клирики, сеньоры и крестьяне. Привет. Марк сжал кулаки в карманах. Ни работы, ни денег, ни жены, ни Средневековья. Вот свинство. Марк ловко поддел камешек, и тот выскочил из желоба на тротуар. Есть прием, как заставить камешек катиться вверх по мостовой. И Марк, кажется, знал его не хуже, чем Средние века. Главное, прекратить думать о Средних веках. Вот в деревне никогда не приходится решать, как вкатить камешек вверх по мостовой. Потому в деревне и не станешь пинать камешки, хотя их там тонны. Камешек Марка успешно перебрался через улицу Суфло и без особых проблем выкатился на узкую часть улицы Сен-Жак.

Два года. А на исходе двух лет единственное, что приходит в голову человеку, погрязшему в дерьме, – найти другого человека по уши в дерьме.

Ибо в тридцать пять лет вредно встречаться с теми, кто преуспел там, где ты все упустил, – это портит характер. Хотя сначала даже отвлекает, будит мечтания, бодрит. Но потом начинает действовать на нервы и портит характер. Это хорошо известно. А Марк больше всего не хотел ожесточаться.

Это скверно и рискованно, особенно для медиевиста. Сильным ударом он закинул камешек на Валь-де-Грас.

Был один человек, о котором он слышал, будто тот в дерьме. И по последним известиям, Матиас Деламар воистину давненько пребывал в дерьме. Марк любил его, даже очень. Но за эти два года они не виделись. Может быть, вместе с ним Марк сможет снять лачугу. Ибо в настоящий момент он в состоянии внести только треть этой самой грошовой платы. А ответ надо дать быстро.

Вздыхнув, Марк подтолкнул камешек к дверце телефонной будки. Если с Матиасом получится, он наверняка уладит дело. Только вот была с Матиасом одна серьезная неувязка. Он ведь специалист по доисторической эпохе. А для Марка этим все сказано. Но разве сейчас время быть сектантом? Несмотря на разделявшую их чудовищную пропасть, они ладили. Даже странно. И думать надо об этой странности, а не об ошибке Матиаса, избравшего эту кошмарную эпоху охотников-собирателей с кремниевыми орудиями. Марк помнил номер его телефона. Ему ответили, что Матиас там больше не живет, и дали другой номер. Он решительно набрал и его. Матиас был дома. Заслышав его голос, Марк перевел дух. Если в среду в двадцать минут четвертого тип тридцати пяти лет сидит дома, это осязаемое подтверждение того, что он в первоклассном дерьме. Уже хорошая новость. А уж если он, не прося никаких объяснений, соглашается встретиться через полчаса в занюханной кафешке в Фобур-Сен-Жак, зна-

чит, он созрел, чтобы согласиться на что угодно.

Хотя...

### 3

Хотя... Из этого типа нельзя вить веревки. Матиас упрям и горд. Так же горд, как он сам? Возможно, еще хуже. Тип охотника-собирателя, который преследует зубра до полного изнеможения и скорее уйдет из племени, чем вернется ни с чем. Ну нет. Это портрет придурка, а Матиас гораздо тоньше. Но он мог не проронить ни слова за два дня, если жизнь опровергла одну из его идей. Может быть, у него слишком крутые идеи или же неукротимые желания. Сталкиваясь в коридорах факультета с этим молчуном, великим охотником-собирателем, затерявшимся в погоне за зубром, Марк, умевший языком плести узоры не хуже кружевницы и нередко утомлявший своих слушателей, частенько прикусывал язык, когда светловолосый верзила с синими глазами медленно стискивал свои большие руки, словно хотел сокрушить злую судьбу. Уж не нормандец ли он? Марк сообразил, что за четыре года, проведенные бок о бок, он не удосужился поинтересоваться его происхождением. Ну и ладно. Успеется.

В кафе делать было нечего, и Марк ждал. Пальцем он рисовал на столике скульптурные мотивы. Кисти у него худые и длинные. Ему очень нравилась их точная лепка и выступающие вены. Насчет всего остального у него были серьезные сомнения. Но стоит ли об этом думать? Только потому,

что ему предстоит увидеть великого светловолосого охотника? И что с того? Конечно, он, Марк, среднего роста, худой, с угловатым лицом и телом, – не вполне идеальный парень для охоты на зубра. Его скорее послали бы лазить по деревьям, стряхивать плоды. Собиратель, так-то вот. Весь из себя утонченно-нервный. Ну и что? Тонкость тоже нужна. Деньги кончились. У него еще остались перстни, четыре больших серебряных перстня, два из них с золотыми нитями, броские и сложные, не то африканские, не то каролингские, унизывавшие пальцы его левой руки. Жена бросила его ради более широкоплечего типа, это уж точно. И наверняка еще худшего придурка. Однажды она это поймет, Марк очень на это рассчитывает. Но будет слишком поздно.

Быстрым движением Марк стер свой рисунок. Статуя ему не удалась. Вспышка раздражения. Без конца эти вспышки раздражения, бессильной ярости. Легче легкого рисовать карикатуры на Матиаса. А он сам? Кто он еще, как не упаднический медиевист, этакий щуплый элегантный брюнет, изящный и упорный искатель бесполезных вещей, продукт роскоши, потерпевший крушение в надеждах, в несбыточных мечтах цепляющийся за серебряные перстни, за видения тысячного года, за крестьян с тачками, которые умерли много веков назад, за забытый романский язык, на который, по-хорошему, всем наплевать, и за женщину, которая его бросила? Марк поднял голову. На другой стороне улицы был огромный гараж. Марк не любил гаражи. Они наводили на

него тоску. Мимо этого длинного гаража крупными неспешными шагами продвигался охотник-собиратель. Марк улыбнулся. Все тот же блондин с непокорными густыми волосами, обутый в неизменные кожаные сандалии, которые Марк терпеть не мог, Матиас шел на встречу с ним. Как всегда, под одеждой он казался голым. Матиас почему-то всегда выглядел голым под одеждой. Свитер на голое тело, брюки прямо на бедрах, сандалии на босу ногу.

В любом случае, какими бы они ни были – один безыскусственный и грузноватый, другой утонченный и сухощавый, – сейчас они встретятся за столиком этого уродского кафе. Одно другому не помеха.

– Ты сбрил бороду? – спросил Марк. – Бросил наконец доисторическую эпоху?

– Не бросил, – сказал Матиас.

– И где ты ее изучаешь?

– В голове.

Марк кивнул. Ему сказали правду, Матиас по уши в дерьме.

– Что у тебя с руками?

Матиас покосился на свои черные ногти.

– Работал механиком в гараже. Выгнали. Сказали, что я ничего не смыслю в моторах. Я за неделю уделал целых три. Сложная штука эти моторы. Особенно когда ломаются.

– А теперь?

– Торговую всякой ерундой – плакатами на станции Шатле.

– Доходное место?

– Нет. Ну а ты?

– Я на нуле. Работал негром в издательстве.

– Средние века?

– Любовные романы в восемьдесят страниц. Мужчина вероломен, но опытен, женщина блистательна, но невинна. Потом они любят друг друга как безумные – скучища смертная. О том, как они расстанутся, ничего не известно.

– Ясно... – сказал Матиас. – Ушел?

– Выгнали. Я изменял кое-какие фразы в гранках. От досады и раздражения. Они заметили... Ты женат? Подружка? Дети есть?

– Пусто, – сказал Матиас.

Они помолчали и посмотрели друг на друга.

– Сколько же нам лет? – спросил Матиас.

– Около тридцати пяти. Обычно это возраст мужчины.

– Да, говорят. Ты все еще влюблен в эти чертовы Средние века?

Марк кивнул.

– Все-таки досадно, – сказал Матиас. – Тут ты всегда был неразумным.

– Не надо об этом, Матиас, теперь не время. Где ты живешь?

– Снимаю комнату, из которой должен убраться через десять дней. Уже не могу с этими плакатами позволить себе

двадцать квадратных метров. Качусь, так сказать, по наклонной плоскости.

Матиас стиснул руки.

– Сейчас я покажу тебе одну лачугу, – сказал Марк. – Если договоримся, вместе мы, возможно, преодолеем те тридцать тысяч лет, которые нас разделяют.

– И выберемся из дерьма?

– Понятия не имею. Ты идешь?

Матиас, равнодушный и даже скорее враждебный ко всему, что происходило позднее чем за десять тысяч лет до Рождества Христова, всегда делал непостижимое исключение для этого тощего медиевиста, вечно в черном и с серебряным поясом. По правде говоря, эту свою дружескую слабость он считал проявлением дурного вкуса. Но привязанность к Марку и уважение к его гибкому и отточенному уму вынуждали его мириться с возмутительным пристрастием друга к столь упадническим временам в человеческой истории. Несмотря на этот шокирующий недостаток, он был склонен доверять Марку и даже частенько позволял себе идти на поводу его нелепых фантазий разорившегося вельможи. Даже сегодня, когда было ясно, что обнищавший феодал напрочь выбит из седла и вынужден взять в руки страннический посох, словом, пребывает в таком же дерьме, как он сам, что, впрочем, доставляло ему удовольствие, – даже таким Марк не утратил своего захудалого изящества и победительного величия. Да, в глубине глаз скопилось немного

горечи, а еще печаль от ударов и потрясений, без которых он, конечно, предпочел бы обойтись, – все это есть. Но осталось его обаяние, следы мечтаний: свои собственные Матиас потерял в поездах метро на станции Шатле.

Да, похоже, Марк и не думал изменять своему Средневековью. Но все же Матиас пойдет с ним к лачуге, о которой тот рассказывал ему по пути. Свои объяснения он подкреплял, вертя в сером воздухе унизанными перстнями пальцами. Итак, полуразвалившаяся лачуга в пять этажей, считая чердак, и сад. Это Матиаса не пугало. Попытаться вместе набрать нужную сумму. Разжечь огонь в очаге. Поселить там старикана, крестного Марка. Что еще за старикан крестный? Ему некуда больше идти – либо сюда, либо в дом престарелых. Ах так, ну и ладно. Матиасу было плевать. Очертания станции Шатле постепенно заволакивались дымкой. Он шел по улицам вслед за Марком, удовлетворенный тем, что тот в дерьме, удовлетворенный прискорбной никчемностью безработного медиевиста, мишурным блеском его наряда, лачугой, где они, конечно, промерзнут до костей, ведь еще только март. Он был настолько удовлетворен, что, очутившись на одной из неизвестных парижских улочек перед разбитой решеткой, за которой в высокой траве виднелась лачуга, оказался не способен объективно оценить обветшалость этого надела. Все вместе показалось ему самым совершенством. Он повернулся к Марку и пожал ему руку. Заметано. Вот только его заработков мелочного торговца не хватит. Марк,

прислонившись к решетке, согласился. Оба вновь посерьезнели. Повисло долгое молчание. Они искали. Еще одного психа по уши в дерьме. Наконец Матиас назвал имя: Люсьен Девернуа. Марк воскликнул:

– Шутишь, Матиас! Девернуа? Ты что, забыл, чем занимается этот тип? Забыл, кто он?

– Да, – вздохнул Матиас. – Историк Первой мировой. Четырнадцатый – восемнадцатый годы.

– Ну вот! Сам видишь, ты дал маху... Знаю, мы на мели и не время цепляться к мелочам. Но все же у нас есть немного прошлого, чтобы мечтать о будущем. А что ты предлагаешь? Первую мировую? Историка Нового времени? А что потом? Ты хоть понимаешь, что говоришь?

– Да, – сказал Матиас, – но ведь парень далеко не дурак.

– Вроде бы нет. Тем не менее. И думать о нем нельзя. Все-му есть предел, Матиас.

– Мне это так же неприятно, как тебе. Хотя по мне, что Средние века, что Новое время – почти одно и то же.

– Ты бы выбирал выражения.

– Да. Но я так понял, что Девернуа перебивается на крошечной зарплате и сидит в дерьме.

Марк прищурился.

– В дерьме? – переспросил он.

– Именно. Оставил преподавание в общей средней школе в Нор-Па-де-Кале. Жалкие полставки в частном христианском коллеже в Париже. Тоска, разочарование, писанина

и одиночество.

– Выходит, он и впрямь в дерьме... Что же ты сразу не сказал?

Марк замер на несколько секунд. Он быстро размышлял.

– Раз так, это все меняет! – заговорил он. – Двигай, Матиас! Первая мировая, не Первая мировая – закроем на все глаза, будем мужественны и стойки. Постарайся разыскать его и убедить. Встречаемся здесь в семь часов, я приду вместе с владельцем. Сегодня вечером нужно все уладить. Шевелись, крутись и будь убедителен. Когда трое вляпались в дерьмо, им по силам и полная катастрофа.

Они махнули друг другу рукой и разошлись – Марк бегом, Матиас шагом.

Это был их первый вечер в лачуге на улице Шаль. Появился историк Первой мировой, на бегу пожал руки, облетел четырехэтажный дом и снова исчез. Первые мгновения облегчения после того, как договор о найме был подписан, прошли, и Марк почувствовал, что в нем поднимают голову былые страхи. Появление беспокойного историка Нового времени, с его мертвенно-бледным лицом, без конца падающей на глаза прядью темных волос, тесным галстуком, серым пиджаком и стоптанными, но английскими ботинками, внушало ему смутные опасения. Этот тип, не говоря уже о его катастрофическом увлечении Первой мировой, был непостижим в своих переходах от жесткости к гибкости, от шумливости к степенности, от жизнерадостной иронии к подчеркнутому цинизму; казалось, он бросался от одной крайности к другой, ненадолго впадая то в ярость, то в благодушие. Он внушает тревогу. Невозможно предвидеть, чем это может обернуться. Жить с историком современности в галстук было новинку. Марк взглянул на Матиаса, который расхаживал по пустой комнате с озабоченной физиономией.

– Ты легко его уговорил?

– В два счета. Он встал, подтянул узел галстука, положил руку мне на плечо и сказал: «Окопное братство нерушимо. Я твой». Несколько театрально. По дороге спросил меня, чем

мы занимаемся, что подделываем. Я кое-что рассказал о до-исторической эпохе, афишах, Средних веках, любовных романах и моторах. Он скорчил мину, возможно, из-за Средних веков. Но тут же спохватился, пробормотал что-то насчет смещения социальных слоев в окопах или что-то в этом роде, вот и все.

– А теперь он исчез.

– Он оставил свою сумку. Это неплохой знак.

Затем специалист по Первой мировой появился вновь, неся на плече ящик с дровами. Марк и не думал, что он такой силач. По крайней мере это могло пригодиться.

Вот почему, после того как они наскоро перекусили, разложив еду на коленях, трое историков в дерьме сгрудились у ярко горящего очага. Камин был внушительных размеров и покрыт сажей. «Огонь, – объявил с улыбкой Люсьен Девернуа, – общая для нас точка отсчета. Скромная, но общая. Или, если угодно, точка падения. Не считая дерьма, на сегодня это единственное, что нас объединяет. Никогда не следует пренебрегать коалициями».

Люсьен торжественно взмахнул рукой. Марк и Матиас смотрели на него, не пытаясь понять, протянув ладони к пламени.

– Все просто, – продолжал Люсьен, возвышая голос. – Для могучего историка первобытного периода этого дома, Матиаса Деламара, огонь означает... кучки косматых людей,

зябко жмущихся у входа в пещеру к спасительному пламени костра, отгоняющему диких зверей, словом – «Войну за огонь».

– «Война за огонь», – перебил Матиас, – нагромождение нелепиц...

– Неважно! – продолжал Люсьен. – Забудь свои познания о первобытных пещерах, на которые мне глубоко наплевать, и предоставь почетное место доисторическому огню. Продолжим. Перехожу к Марку Вандузлеру, который тщится пересчитать в «очагах», то бишь в дворах, средневековое население... У них, медиевистов, с этим большие трудности. Они все время путаются... Проехали. Поднимаясь выше по шкале времени, мы добираемся наконец и до меня – до меня и до огня Первой мировой. «Война за огонь» и «Огонь войны»<sup>1</sup>. Ну разве не трогательно?

Люсьен засмеялся, громко фыркнул и ногой подбросил в очаг здоровенное полено. По лицам Марка и Матиаса блуждала неясная улыбка. Придется приспособливаться к этому типу, невозможному и необходимому, чтобы вносить третью часть платы за дом.

– Итак, – заключил Марк, вертя в воздухе своими перстнями, – когда наши глубокие разногласия станут слишком болезненными, а хронологические расхождения – неприми-

---

<sup>1</sup> Речь идет о романе Ж. А. Рони-старшего «Война за огонь» (1909, в русском переводе «Борьба за огонь») и о романе А. Барбюса «Огонь» (1916), посвященном Первой мировой войне.

римыми, нам останется лишь развести в очаге огонь. Верно?

– Это может помочь, – согласился Люсьен.

– Мудрая программа, – добавил Матиас.

И они на время оставили Время в покое, и они согрелись. По правде говоря, больше всего и в этот вечер, и в будущие вечера их заботило промозглое время года. Поднялся ветер, и тяжелые струи дождя просачивались в дом. Трое мужчин понемногу оценивали размах предстоящих ремонтных работ и необходимых усилий. Комнаты пока пустовали, и стульями служили ящики. Завтра каждый принесет свои пожитки. Придется штукатурить, чинить электропроводку, менять трубы и прогнившие доски. А Марк притащит своего старого крестного. Он все объяснит им позже. Что это за тип? Просто его старый крестный. И заодно его дядя. Чем занимается дядя-крестный? Уже ничем, он на пенсии. На пенсии после чего? Ну, на пенсии после работы, так-то вот. Какой работы? Люсьен решительно несносен со своими расспросами. Работы на государство. Он все объяснит позднее.

## 5

Деревце чуть-чуть подросло.

Уже целый месяц София каждый день стояла перед окном третьего этажа и наблюдала за новыми соседями. Они ее интересовали. Что тут такого? Трое довольно молодых типов, без женщин и детей. Просто три типа. Она сразу узнала того, что прижимался лбом к ржавой решетке и сказал ей, что деревце – это бук. Она обрадовалась, обнаружив его там. Он привел с собой двух других, очень непохожих типов. Высокого блондина в сандалиях и непоседу в сером костюме. Она уже неплохо их знала. София спрашивала себя, прилично ли вот так за ними подсматривать. Прилично или нет, но ее это развлекало, ободряло и наводило на кое-какие мысли. Так что она не бросала своего занятия. В течение всего апреля месяца они непрерывно суетились. Носили доски, ведра, возили мешки на тележках и ящики на таких штуковинах. Как же называются железные штуковины на двух колесах? Как-то они называются. Ах да, тачки. Ящики перевозили на тачках. Ясно. Значит, у них ремонт. Они без конца ходили туда-сюда через сад, и так София, оставляя приоткрытым окно, смогла узнать их имена. Худой в черном – Марк. Медлительный блондин – Матиас. А в галстук – Люсьен. Он даже дырки в стенах сверлил при галстук. София поднесла руку к своему шейному платку. Что ж, у каждого свои причуды.

Через боковое оконце в чулане на третьем этаже София могла видеть и то, что творилось внутри лачуги. На починенных окнах занавесок не было и, как она думала, никогда и не будет. Каждый, похоже, занял по этажу. Одна беда: блондин на своем этаже работал полуголым или почти голым, а то и совсем голым, как когда. Насколько она могла судить, его это ничуть не стесняло. Досадно. Смотреть на блондина было очень приятно, нечего и говорить. Но это, по правде говоря, не давало Софии права устраиваться в чулане. Помимо ремонта, которым они упорно занимались, хотя порой, похоже, были сыты им по горло, в лачуге еще много читали и писали. Полки заполнились книгами. София, рожденная на дельфских камнях и вышедшая в люди благодаря одному своему голосу, восхищалась всяким, кто читал за столом при свете настольной лампы.

А потом, на прошлой неделе, появился кое-кто еще. Тоже мужчина, но гораздо старше. София подумала, что он приехал в гости. Но нет, мужчина постарше тоже поселился в лачуге. Надолго? В любом случае, он жил там, на чердаке. Все-таки забавно. Ей показалось, что он хорош собой. Самый красивый из всех четырех. Но и самый старый. Лет шестьдесят или семьдесят. Можно было предположить, что у такого красавца и голос должен быть зычный, однако голос у него был такой мягкий и тихий, что Софии не удалось пока разобрать ни одного слова. Высокий, статный, этакий полковдец не у дел, он не принимал участия в ремонте. Только над-

зирал и болтал языком. Имя этого типа узнать не удалось. Пока что София называла его Александром Великим или же старым занудой, по настроению.

Громче всех оказался тип в галстукe, Люсьен. Раскаты его голоса разносились далеко, и он, казалось, забавлялся, разъясняя свои действия и раздавая указания, которые никто и не думал выполнять. Она пыталась говорить о них с Пьером, но соседями он заинтересовался не больше, чем деревом. Пока соседи не шумели в своей Гнилой лачуге, это все, что он мог о них сказать. Ну ладно, Пьер поглощен своими социальными делами. Ладно, он только и видит, что груды страшных досье о матерях-одиночках, живущих под заббором, о людях, выброшенных на улицу, двенадцатилетних сиротах, стариках, задыхающихся в своих мансардах, и все это он собирает для государственного секретаря. А такой тип, как Пьер, свою работу выполняет добросовестно. Хотя иногда София и ненавидела его манеру толковать о «его» нуждающихся, рассортированных по категориям и подкатегориям, как он рассортировал и ее поклонников. Интересно, в какую категорию Пьер занес бы ее саму, когда она в двенадцать лет продавала туристам в Дельфах вышитые платочки? Нуждающаяся такая-то? Ну да ладно. Можно понять, что со всеми этими заботами ему наплевать и на дерево, и на четверых новых соседей. И все-таки. Почему не поговорить о них хотя бы иногда? Всего минутку?

Марк даже не поднял головы, услышав голос Лю-сьена, который, взгромоздившись на свой четвертый этаж, подавал оттуда сигнал общей тревоги. В конечном счете Марк более или менее приспособился к историку Первой мировой: с одной стороны, тот переделал в лачуге кучу работы, а с другой – оказался способен к необычайно долгим периодам усидчивой тишины. Даже глубоким. Погрузившись в зияющие окопы Первой мировой, он уже ничего не слышал. Ему они были обязаны починкой проводки и труб: ничего не смысливший в этом Марк был ему признателен по гроб жизни. Ему они были обязаны превращением чердака в две просторные смежные комнаты, теплые и уютные, где крестный был счастлив. Они были обязаны ему третьей частью платы за жилье и потоками щедрости, каждую неделю изливавшимся на их лачугу каким-нибудь новым изыском. А еще щедростью на слова и на словесные извержения. Ироническими военными тирадами, крайностями во всем, хлесткими суждениями. Он был способен по часу драть глотку из-за сущего пустяка. Марк учился пропускать тирады Люсьена через свою жизнь как безобидных людоедов. Люсьен даже не был милитаристом. Он неотступно и решительно докапывался до сути Первой мировой и никак не мог ее постичь. Может быть, потому он и орал. Нет, наверняка по другой

причине. В любом случае этим вечером, часов около шести, на него снова нашло. На этот раз Люсьен еще и спустился по лестнице и без стука вошел к Марку.

– Общая тревога! – крикнул он. – Все в убежище! Сюда идет соседка.

– Какая соседка?

– Соседка с Западного фронта. Соседка справа, если тебе так больше нравится. Богатая женщина в шейном платке. Больше ни слова. Когда она позвонит в дверь, никому не двигаться. Всем затаиться. Пойду скажу Матиасу.

Прежде чем Марк успел высказать свое мнение, Люсьен уже спустился на второй этаж.

– Матиас, – закричал Люсьен, открывая дверь. – Тревога! Всем зата...

Марк услышал, как Люсьен запнулся. Он улыбнулся и спустился вслед за ним.

– Черт, – говорил Люсьен. – Зачем тебе раздеваться догола, чтобы повесить книжную полку? Что тебе это дает, черт побери? Тебе что, никогда не бывает холодно?

– Я не голый, я в сандалиях, – важно возразил Матиас.

– Ты отлично знаешь, что сандалии ничего не меняют! А если тебе так нравится изображать человека незапамятных времен, лучше бы вбил себе в голову, что доисторический человек, что бы я о нем ни думал, уж точно не был ни придурком, ни таким примитивом, чтоб ходить голышом!

Матиас пожал плечами.

– Я знаю это лучше тебя, – сказал он. – Доисторический человек здесь не при чем.

– А что при чем?

– Я сам. Одежда меня стесняет. Мне так удобно. Что ты еще от меня хочешь? Не понимаю, как это может тебя беспокоить, когда я – на своем этаже. Тебе нужно лишь постучать перед тем, как войти. Что случилось? Что-то неотложное?

Понятие неотложности было у Матиаса не в чести. Вошел улыбающийся Марк.

– «Змея, – сказал он, – при виде голого человека пугается и уползает так быстро, как может; а если увидит человека одетого, то набрасывается на него безо всякой опаски». Тринадцатый век.

– Ценное замечание, – сказал Люсьен.

– Что случилось? – повторил Матиас.

– Ничего. Люсьен увидел, что к нам направляется соседка с Западного фронта. Люсьен решил не отвечать на звонок.

– Звонок еще не починили, – заметил Матиас.

– Жаль, что это не соседка с Восточного фронта, – сказал Люсьен. – Соседка с Востока красива. Думаю, с Восточным фронтом мы могли бы вступить в переговоры.

– Откуда ты знаешь?

– Я провел тактическую разведку. Восток более привлекателен и более доступен.

– Ну ладно, эта – с Запада, – твердо сказал Марк. – И не понимаю, почему бы нам ей не открыть. Мне она очень даже

нравится, мы перекинулись с ней парой слов однажды утром. В любом случае, в наших интересах быть оцененными нашим окружением. Простой вопрос стратегии.

– Очевидно, – сказал Люсьен, – если ты смотришь на это с дипломатической точки зрения.

– Скажем, с добрососедской точки зрения. Человеческой, если тебе угодно.

– Она стучит в дверь, – сказал Матиас. – Пойду открою.

– Матиас! – Марк удержал его за руку.

– Ну? Ты же сказал, что согласен?

Марк посмотрел на него и выразительно взмахнул рукой.

– Ах да, черт, – сказал Матиас. – Одежда, нужно одеться.

– Именно, Матиас. Нужно одеться.

Тот взялся за свитер и брюки, в то время как Марк и Люсьен пошли вниз.

– Говорил я ему, что сандалий недостаточно, – прокомментировал Люсьен.

– А ты, – велел Марк, – заткнись.

– Знаешь, это не так просто, заткнуться.

– Ты прав, – признал Марк. – Но предоставь дело мне. Это ведь я знаком с соседкой, я и открою.

– Откуда ты ее знаешь?

– Я же говорил, мы разговаривали. Кое о чем. О дереве.

– О каком дереве?

– О молодом буке.

Смущенная София выпрямилась на предложенном ей стуле. С тех пор как она покинула Грецию, жизнь приучила ее принимать или же не впускать журналистов и поклонников, но не приучила звонить в чужие двери. Уже лет двадцать, как она не стучалась к кому-нибудь вот так, без предупреждения. Теперь, сидя в этой комнате в окружении трех типов, она спрашивала себя, что же они могли подумать о докучной соседке, явившейся их поприветствовать. Так уже не делается. Поэтому ей захотелось тут же объясниться. Получится ли у нее объясниться с ними, как ей верилось у своего окна на третьем этаже? Все может выглядеть иначе, когда видишь людей вблизи. Марк стоит, привалившись к большому деревянному столу, скрестив худые ноги, в красивой позе, у него скорее красивое лицо, он смотрит на нее без нетерпения. Перед ней сидит Матиас, у него тоже красивое лицо, немного тяжеловатое книзу, но синие глаза ясны, как море в штить, и взгляд открытый. Люсьен достает бокалы и бутылки, то и дело откидывая назад волосы взмахом головы, у него лицо ребенка и галстук мужчины. Она почувствовала себя успокоенной. В конце концов, она потому и пришла сюда, что перетрусилась.

– Понимаете, – сказала она, принимая бокал, который с улыбкой протянул ей Люсьен, – мне очень жаль, что я вас

побеспокоила, но я хотела попросить вас об одной услуге.

Двое смотрели на нее с ожиданием. Теперь надо объяснить. Но как рассказать о подобной глупости? Люсьен ее не слушал. Он ходил туда-сюда и, похоже, присматривал за каким-то сложным блюдом, приготовление которого поглощало всю его энергию.

– Речь идет о глупой истории. Но я нуждаюсь в одной услуге, – повторила София.

– Что за услуга? – мягко спросил Марк, пытаясь помочь.

– Нелепо об этом говорить, к тому же я знаю, что вы уже много потрудились в этом месяце. Нужно выкопать яму в моем саду.

– Внезапный прорыв на Западном фронте, – пробормотал Люсьен.

– Разумеется, я заплачу вам, если мы договоримся. Скажем... тридцать тысяч франков на троих.

– Тридцать тысяч франков? – пробормотал Марк. – За яму?

– Попытка подкупа со стороны врага, – невнятно пробубнил Люсьен.

София чувствовала себя неловко. Однако она полагала, что пришла в нужный дом. И что следует продолжать.

– Да. Тридцать тысяч за яму и за ваше молчание.

– Но, – начал Марк, – мадам...

– Реливо, София Реливо. Я ваша соседка справа.

– Нет, – тихо сказал Матиас, – нет.

– Да, – сказала София, – я ваша соседка справа.

– Это правда, – продолжал Матиас тихо, – но вы не София Реливо. Вы жена господина Реливо. Но вы сами – София Симеонидис.

Марк и Люсьен с удивлением уставились на Матиаса. София улыбнулась.

– Лирическое сопрано, – продолжал Матиас. – «Манон Леско», «Мадам Баттерфляй», «Аида», Дездемона, «Богема», «Электра». И вот уже шесть лет, как вы ушли со сцены. Позвольте сказать, как лестно мне иметь такую соседку.

В знак почтения Матиас слегка склонил голову. София посмотрела на него и подумала, что дом в самом деле подходящий. Она удовлетворенно вздохнула, обвела глазами большую комнату с плиточным полом, свежоштукатуренную, еще гулкую, почти без мебели. Три высоких сводчатых окна выходили в сад. Это немного походило на монастырскую трапезную. Через низкую, тоже сводчатую дверь с деревянной ложкой в руке ходил туда-сюда Люсьен. В монастыре можно говорить обо всем, особенно в трапезной, только тихо.

– Поскольку он все сказал, это избавляет меня от необходимости представляться, – сказала София.

– Но не нас, – сказал до некоторой степени впечатленный Марк. – Вот он – Матиас Деламар...

– Не стоит, – перебила София. – Мне очень неловко, что я уже знаю вас, но ведь через сад можно невольно услышать

многое из того, что делается за стеной.

– Невольно? – спросил Люсьен.

– Немного вольно, это верно. Я смотрела и слушала, даже внимательно. Признаю.

София помолчала. Думала, догадается ли Матиас, что она видела его через то окошко.

– Я не шпионила за вами. Вы меня заинтересовали. Я думала, что вы мне понадобится. Что бы вы сказали, если бы однажды утром обнаружили, что у вас в саду посадили дерево, а вы тут не при чем?

– Честно говоря, – сказал Люсьен, – учитывая состояние сада, думаю, мы его бы и не заметили.

– Не о том речь, – сказал Марк. – Вы, конечно, имеете в виду то буквое дерево?

– Да, – сказала София. – Оно появилось в одно прекрасное утро. Без предупреждения. Я не знаю, кто его посадил. Это не подарок. И не садовник.

– А что думает об этом ваш муж? – заметил Марк.

– Ему все равно. Он занятой человек.

– Вы хотите сказать, что ему на это совершенно наплевать? – сказал Люсьен.

– Хуже того. Он даже не хочет больше слышать об этом. Его это раздражает.

– Странно, – сказал Марк. Люсьен и Матиас кивнули головой.

– Вы находите это странным? Правда? – спросила София.

– Правда, – сказал Марк.

– Я тоже, – пробормотала София.

– Простите мне мое невежество, – сказал Марк, – вы были очень известной певицей?

– Нет, – сказала София. – Не из великих. У меня был кое-какой успех. Но меня никогда не называли «та самая Симеонидис». Нет. Если вы думаете о ревностном поклоннике, как подумал мой муж, то это ложный путь. У меня были поклонники, но я не вызывала страстного почитания. Спросите у вашего друга Матиаса, он должен знать.

Матиас удовольствовался неопределенным жестом.

– Ну, все же не совсем так, – пробормотал он. Воцарилось молчание. Светский Люсьен вновь наполнил бокалы.

– На самом деле, – сказал Люсьен, – взмахнув своей деревянной ложкой, – вы боитесь. Вы не вините мужа и никого не вините, вы вообще не хотите об этом думать, но вы боитесь.

– Мне беспокойно, – прошептала София.

– Потому что посаженное дерево, – продолжал Люсьен, – означает землю. Землю под ним. Землю, которую никто не станет тревожить, потому что в ней – дерево. Запечатанная земля. Иными словами – могила. Проблема не лишена интереса.

Люсьен был груб и высказал свое мнение без обиняков. В данном случае он был прав.

– Не заходя так далеко, – продолжала София по-прежнему

шепотом, – скажем, что мне хотелось бы убедиться. Узнать, есть ли под ним что-нибудь...

– Или кто-нибудь, – сказал Люсьен. – У вас есть повод кого-то подозревать? Ваш муж? Тайные делишки? Обременительные любовницы?

– Довольно, Люсьен, – сказал Марк. – Незачем кидаться в атаку. Госпожа Симеонидис пришла сюда, потому что ей надо выкопать яму, и ни за чем иным. Так что будь любезен, давай на этом и остановимся. Бессмысленно городить огород на пустом месте. В данный момент речь идет о том, чтобы выкопать яму, ведь так?

– Да, – сказала София. – Тридцать тысяч франков.

– Зачем столько денег? Это соблазнительно, конечно. У нас нет ни гроша.

– Я так и поняла, – сказала София.

– Но это не причина, чтобы выколачивать из вас подобную сумму за рытье ямы.

– Но ведь никогда не знаешь... – сказала София. – Когда яма будет вырыта... если будут последствия, возможно, я предпочту, чтобы вы молчали. А за это надо платить.

– Понятно, – сказал Матиас. – Так, все здесь согласны рыть яму, с последствиями или без них?

Вновь воцарилась тишина. Задача была не из простых. Конечно, в их положении деньги соблазняли. С другой стороны – ради денег становиться соучастниками... Соучастниками чего, собственно говоря?

– Разумеется, это нужно сделать, – произнес мягкий голос.

Все повернулись. Старый крестный вошел в комнату, как ни в чем не бывало налил себе бокал вина, приветствовал госпожу Симеонидис. София вгляделась в него. Вблизи он не был Александром Великим. Он казался высоким, хотя и не очень, потому что был прямым и худым. Но у него оставалось лицо. Увядшая красота все еще производила впечатление. Не жесткие, но четкие черты, нос с горбинкой, неправильной формы губы, миндалевидные глаза и ясный взгляд – все словно создано, чтобы соблазнять, и соблазнять быстро. София оценила это лицо, мысленно отдала ему справедливость. Ум, блеск, мягкость, возможно, двуличность. Старик провел рукой по волосам, не седым, а черным с проседью, с чуть отросшими кудрями на затылке, и сел. Он сказал выкопать яму. Никто и не думал возражать.

– Я подслушивал за дверью, – сказал он. – Мадам ведь подслушивала у окна. У меня это вроде тика, застарелой привычки. Меня это ничуть не смущает.

– Весело, – сказал Люсьен.

– Мадам совершенно права, – продолжал старик. – Надо копать.

Смущенный Марк встал.

– Это мой дядя, – признался он, будто мог тем смягчить его нескромность. – Мой крестный, Ар-ман Вандузлер. Он здесь живет.

– И любит высказывать обо всем свое мнение, – пробормо-

мотал Люсьен.

– Ну ладно, Люсьен, – сказал Марк. – Заткнись, таков был уговор.

Вандузлер с улыбкой махнул рукой.

– Не нервничай, – сказал он, – Люсьен не так уж ошибается. Я люблю обо всем высказывать свое мнение. Особенно когда я прав. Впрочем, Люсьен тоже это любит. Даже когда ошибается.

По-прежнему стоя, Марк глазами делал дяде знаки, что тому лучше уйти и что незачем присутствовать при этом разговоре.

– Нет, – сказал Вандузлер, глядя на Марка. – У меня есть причины остаться.

Он обвел взглядом Люсьена, Матиаса, Софию Симеонидис и вернулся к Марку.

– Лучше рассказать им, как обстоит дело, Марк, – сказал он, улыбаясь.

– Момент неподходящий. Ты меня достал со своим дерьмом, – тихо сказал Марк.

– У тебя всегда момент неподходящий, – возразил Вандузлер.

– Сам и говори, раз тебе хочется. Это твое дерьмо, а не мое.

– К черту! – Люсьен взмахнул деревянной ложкой. – Дядя Марка – старый полицейский, вот и все! Мы не станем толковать об этом всю ночь напролет.

– А ты откуда знаешь? – спросил Марк, разом повернувшись к Люсьену.

– Так... Мелкие наблюдения во время ремонта чердака.

– Здесь решительно все суют нос не в свои дела, – сказал Вандузлер.

– Нельзя быть историком, если не умеешь совать нос в чужие дела, – пожал плечами Люсьен.

Марк пришел в отчаяние. Еще один чертов нервный срыв. София оставалась внимательной и спокойной, как и Матиас. Они выжидали.

– Хорошая история Нового времени, – выговорил Марк, выделяя каждое слово. – Что еще ты откопал?

– Пустяки. Что твой крестный работал в отделе по борьбе с наркотиками, в бригаде азартных игр...

– ...и семнадцать лет был комиссаром Уголовной полиции, – подхватил Вандузлер ровным голосом. – Что меня оттуда турнули, выкинули. Выкинули без медали после двадцати восьми лет службы. Словом, стыд-позор и общественное порицание.

Люсьен кивнул.

– Хорошо сказано, – сказал он.

– Великолепно, – процедил Марк сквозь зубы, не сводя глаз с Люсьена. – А почему ты ничего не говорил?

– Потому что мне плевать, – сказал Люсьен.

– Отлично, – сказал Марк. – Тебя, дядюшка, никто не просил спускаться и подслушивать, а тебя, Люсьен, никто не

просил лезть не в свое дело и распускать язык. Разве это не могло подождать?

– Как раз нет, – возразил Вандузлер. – Госпоже Симеонидис нужна ваша помощь в деликатном деле, и лучше ей знать, что на чердаке сидит старый полицейский. Она может забрать свою жалобу или дать делу ход. Так будет справедливо.

Марк с вызовом взглянул на Матиаса и Люсьена.

– Отлично, – повторил он, повысив тон. – Ар-ман Вандузлер – старый, прогнивший бывший полицейский. Но все еще полицейский и все еще прогнивший, будьте в этом уверены, который привык брать свое и от правосудия, и от жизни. Даже если за это приходится расплачиваться.

– Обычно приходится, – подтвердил Вандузлер.

– И это еще не все, – продолжал Марк. – Теперь думайте о нем, что хотите. Но предупреждаю – он мой крестный и дядя. Брат моей матери, так что говорить тут не о чем. Не о чем. Если не хотите оставаться в лачуге...

– В Гнилой лачуге, – уточнила София Симеонидис. – Так ее называют в округе.

– Ну да... в Гнилой лачуге, из-за того что крестный занимался своим ремеслом, можете выметаться. Мы со стариком выкрутимся.

– Чего это он так разнервничался? – спросил Матиас, глядя по-прежнему безмятежными синими глазами.

– Не знаю, – сказал Люсьен, пожав плечами. – Он вообще

нервный тип с богатым воображением. Там у них в Средневековье все такие. Моя двоюродная бабушка вкалывала на бойнях в Монтре, но я же не поднимаю из-за этого шум.

Марк опустил голову и скрестил руки на груди, внезапно успокоившись. Бросил быстрый взгляд на певицу с Западного фронта. Что она решит теперь, когда в доме, то есть в Гнилой лачуге, оказался старый полицейский в отставке?

София угадала ход его мыслей.

– Меня его присутствие не смущает, – сказала она.

– Ничто не внушает такого доверия, как продажный полицейский, – сказал старина Вандузлер. – Он умеет слушать, вынюхивать и вынужден держать рот на замке. Своего рода совершенство.

– Крестный был пусть и сомнительным, – добавил Марк, снизив тон, – но великим полицейским. Он может пригодиться.

– Не беспокойся, – сказал ему Вандузлер, переводя взгляд на Софию. – Госпожа Симеонидис будет судить сама. Если, конечно, понадобится. Да и эти трое, – добавил он, указывая на молодых людей, – совсем не дураки. Они тоже могут пригодиться.

– Я и не говорила, что они дураки, – возразила София.

– Просто хочу уточнить, – пояснил Вандузлер. – Я неплохо знаю Марка, моего племянника. Он приехал ко мне в Париж, когда ему было двенадцать... иными словами, уже почти сложившимся человеком. Уже тогда он был сумбурным,

упрямым, восторженным, неуравновешенным, но и слишком умным, чтобы жить смиренно. Я мало что мог для него сделать, разве что внушить ему кое-какие здравые принципы относительно неизбежной доли беспутства, которому следует предаваться неукоснительно. Хватка у него была. Двух других я знаю лишь неделю и пока не могу сказать о них ничего плохого. Занятое сочетание, каждый занят своим великим делом. Забавно. Как бы то ни было, я впервые слышу о таком случае, как ваш. Вы и так слишком долго медлили с этим деревом.

– Что я могла сделать? – сказала София. – Полиция подняла бы меня на смех.

– Без всякого сомнения, – подтвердил Вандузлер.

– И мне не хотелось беспокоить мужа.

– Вы само благоразумие.

– Вот я и ждала... пока получше их узнаю. Вот их.

– Как мы поступим? – спросил Марк. – Чтобы не беспокоить вашего мужа?

– Я думаю, – сказала София, – вы можете представиться муниципальными рабочими. Проверка старых электрокабелей или что-нибудь этакое. Да что угодно, для чего нужно выкопать небольшую траншею. Траншею, которая, конечно, пройдет и под деревом. Я снабжу вас дополнительными средствами, чтобы вы купили себе рабочую одежду, взяли напрокат грузовичок и инструменты.

– Хорошо, – сказал Марк.

– Годится, – согласился Матиас.

– Коль скоро речь зашла о рытье окопов, – добавил Люсьен, – я готов. В коллеже скажусь больным. На такую работу уйдет добрых два дня.

– Не побоитесь проследить за реакцией мужа, когда они явятся рыть траншею? – спросил Вандузлер.

– Попытаюсь, – пообещала София.

– Он знает их в лицо?

– Уверена, что нет. Они его интересуют меньше всего на свете.

– Тем лучше, – сказал Марк. – Сегодня четверг. Чтобы отработать все детали, нужно время... В понедельник утром мы позвоним в вашу дверь.

– Спасибо, – сказала София. – Чудно, но теперь я уверена, что под деревом ничего нет.

Она открыла сумку.

– Вот деньги, – сказала она. – Вся сумма.

– Уже? – удивился Марк.

Старина Вандузлер улыбнулся. София Симеонидис – необычная женщина. Она казалась напуганной, держалась неуверенно, но деньги были наготове. Значит, она не сомневалась, что уговорит их? Он находил это любопытным.

## 8

После ухода Софии Симеонидис все потоптались еще немного в большой комнате. Старина Вандузлер предпочел отужинать в своих апартаментах под крышей. Перед уходом он обвел взглядом троих мужчин. Все трое пристально всматривались в ночной сад, забавным образом застыв в больших оконных проемах. Под круглыми оконными сводами они казались тремя отвернувшимися статуями евангелистов. Статуя Люсьена слева, статуя Марка в центре и статуя Матиаса справа. Святой Лука, святой Марк и святой Матфей, замершие в своих нишах. Занятные типы и занятные святые. Марк стоял прямо, заложив руки за спину и слегка расставив ноги. Вандузлер наделал немало глупостей в своей жизни, и Вандузлер очень любил своего крестника. Впрочем, они никогда и близко не стояли к купели.

– Давайте ужинать, – предложил Люсьен. – Я приготовил паштет.

– Паштет из чего? – спросил Матиас.

Мужчины переговаривались, не отходя от своих окон и продолжая смотреть в сад.

– Из зайчатины. Совсем нежирный паштет. Думаю, вкусно получилось.

– Заяц дорогой, – сказал Матиас.

– Марк своровал утром зайца и преподнес его мне, – по-

яснил Люсьен,

– Весело, – сказал Матиас. – Он пошел в своего дядю. Ты зачем стащил зайца, Марк?

– Потому что Люсьену хотелось зайца, а он слишком дорогой.

– Ясно, – сказал Матиас. – С этой точки зрения... Скажи, как это получилось, что тебя зовут Вандузлер, как и твоего дядю по матери?

– Потому что моя мать была незамужней, дурень.

– Давайте ужинать, – сказать Люсьен. – Чего ты к нему пристаешь?

– Я не пристаю. Я спрашиваю. А что такого сделал Вандузлер, за что его выгнали?

– Помог одному убийце унести ноги.

– Ясно... – повторил Матиас. – А что это за фамилия – Вандузлер?

– Бельгийская. Вначале писалось в два слова – Ван Дузлер. Неудобно. Мой дед поселился во Франции в тысяча девятьсот пятнадцатом году.

– А-а, так он был на фронте? – заинтересовался Люсьен. – Он оставил какие-нибудь записи, письма?

– Я ничего об этом не знаю, – сказал Марк.

– В этом стоит покопаться, – откликнулся Люсьен, не отрываясь от своего окна.

– Сперва нам придется покопаться в яме, – сказал Марк. – Не представляю, во что мы вляпались.

– В дерьмо, – сказал Матиас. – Дело привычки.

– Давайте ужинать, – повторил Люсьен. – Сделаем вид, что мы из него уже выбрались.

## 9

Вандузлер возвращался с рынка. Закупка провизии мало-помалу вошла в круг его обязанностей. Это его не смущало, как раз напротив. Он любил бродить по улицам, присматриваться к прохожим, ловить обрывки разговоров, вступить в них, присаживаться на скамейки, обсуждать цены на рыбу. Повадки полицейского, рефлексy соблазнителя, застарелые привычки. Он улыбнулся. Ему нравился этот новый квартал. И новая лачуга тоже. Свое прежнее жилище он покинул без сожалений, довольный тем, что может начать что-то новое. Мысль о начале всегда прельщала его куда больше, чем мысль о продолжении.

Перед тем как ступить на улицу Шаль, Вандузлер остановился и с удовольствием оглядел это новое жизненное пространство. Что его сюда привело? Цепочка случайностей. Когда он думал о них, его жизнь представлялась ему единым целым, сложившимся тем не менее под воздействием не связанных между собой устремлений, важных для него в определенный момент, но с течением времени терявших силу. Да уж, у него бывали и великие идеи, и глубокие замыслы. Но ни одного он не довел до конца. Ни единого. Его самые твердые решения таяли, столкнувшись с любым препятствием, самые искренние обязательства отменялись по любому поводу, самые проникновенные слова растворялись в реальности. Так

уж получалось. Он с этим свыкся и, можно сказать, смирился. Достаточно быть в курсе событий. Поначалу энергичный и нередко блистательный, он через некоторое время чувствовал себя выдохшимся. До странности провинциальная улица Шаль вполне его устраивала. Еще одно новое место. Надолго ли? Мимо, взглянув на него, прошел человек. Должно быть, пытался понять, что он тут делает, стоя на тротуаре со своей корзиной с продуктами. Вандузлер подумал, что этот тип наверняка сумел бы объяснить, почему он здесь живет, и даже набросать картину своего будущего. А вот он сам навряд ли мог подытожить даже свою прошлую жизнь. Он ощущал ее как чудесное переплетение влияний, случайностей, удачных и неудачных расследований, ухваченных возможностей, соблазненных женщин – дивных событий, ни одно из которых, к счастью, не затягивалось надолго, следов чересчур запутанных, чтобы поддаваться обобщению. Конечно, случались и провалы. Без них не обойтись. Чтобы очистить место для нового, приходится избавляться от старого.

Прежде чем вернуться в лачугу, экс-комиссар присел на низкую ограду на противоположной стороне улицы. Всегда приятно понежиться в лучах апрельского солнца. В сторону дома Софии Симеонидис, где со вчерашнего дня трое муниципальных рабочих вовсю рыли траншею, он старался не смотреть. Он посмотрел туда, где жила другая соседка. Как там говорит святой Лука? Восточный фронт. Этот тип – просто одержимый. Что ему далась Первая мировая? Лад-

но, у каждого свое дерьмо. Вандузлер успел продвинуться на Восточном фронте. Разведал кое-что там и сям. Старые полицейские навыки. Соседку зовут Жюльет Гослен, живет с братом Жоржем, молчаливым увальнем. Разберемся. Все годилось Арману Вандузлеру, чтобы разобраться. Вчера соседка с Востока возилась в своем саду. Готовилась к приходу весны. Он перекинулся с ней парой слов, только и всего. Вандузлер улыбнулся. Ему исполнилось шестьдесят восемь, и уверенности в себе поубавилось. Не хотелось быть отвергнутым. И так, осмотрительность и взвешенность. Но пометать-то можно. Он хорошенько рассмотрел эту Жюльет, она показалась ему милостивой и бойкой, лет сорока, и он решил, что она вряд ли заинтересуется старым полицейским. Пусть даже еще красивым, если верить тому, что люди говорят. Сам он никогда не понимал, что красивого другие находили в его лице. Слишком худое, кривоватое, недостаточно правильное на его вкус. Он бы в такого ни за что не влюбился. А вот другие влюблялись, и нередко. Он умел извлекать из этого выгоду, когда служил в полиции, не говоря уж об остальном. Но, бывало, попадал в переделку. Арман Вандузлер не любил вспоминать о неприятном, особенно о своей отставке. А за последние пятнадцать минут это случилось уже дважды. Все потому, что он снова сменил жизнь, место и окружение. А может, потому, что в рыбной лавке столкнулся с близнецами.

Он подвинулся, чтобы переставить свою корзину в тень, и

тем самым приблизился к Восточному фронту. Проклятье, почему это пришло ему в голову? Надо было всего лишь стечь, не появится ли соседка слева, и заняться рыбой для троих копателей траншеи. Да, ему случалось наломать дров. С кем не бывает? Ладно, он часто поступал как последний засранец. Особенно с ней и ее близнецами, бросил их в один миг, без зазрения совести. Близнецам было по три года. А ведь он дорожил Люси. Даже обещал, что останется с ней навсегда. Но не остался. Смотрел, как они уходят вдаль по перрону. Вандузлер вздохнул. Медленно поднял голову, отбросил назад волосы. Теперь мальчишкам должно быть по двадцать четыре. Где-то они сейчас? Ну и дерьмо. Свинство. Далеко, близко? А она? Нечего и думать об этом. Какая разница? Любовь, как сорная трава, растет повсюду, нужно лишь нагнуться, чтобы сорвать любую. Не все ли равно? Вранье, будто одна любовь может быть лучше других, вранье. Вандузлер поднялся, взял свою корзинку и подошел к саду Жюльет, соседки с Востока. По-прежнему никого. А не заглянуть ли ему подальше? По его сведениям, она держит ресторанчик «Бочка» через две улицы отсюда. Вандузлер отлично умел готовить рыбу, но ведь спросить рецепт ничего не стоит. Что он теряет?

Три землекопа были вымотаны до такой степени, что по-едали рыбу, даже не замечая, что это каменный окунь.

– Пусто! – сказал Марк, наливая себе вина. – Совершенно пусто! Невероятно. Мы уже закапываем яму. Вечером закончим.

– А чего ты ждал? – спросил Матиас. – Думал, там труп? Ты всерьез этого ждал?

– Ну, чем больше я думал...

– Вот и нечего было думать. Мы и так достаточно думаем, сами того не желая. Под деревом ничего нет, вот и все.

– Точно? – спросил Вандузлер приглушенным голосом.

Марк поднял голову. Он знал этот приглушенный голос. Значит, крестный снова думал, о чем не следовало, раз ему не по себе.

– Точно, – ответил Матиас. – Тот, кто посадил дерево, вырыл не слишком глубокую яму. В семидесяти сантиметрах от поверхности почва осталась нетронутой. Нечто вроде культурного слоя конца восемнадцатого века, как и сам дом.

Матиас вынул из кармана забитый землей обломок трубки из белой глины и положил его на стол. Конец восемнадцатого века.

– Вот, – сказал он, – для любителей. София Симеонидис может теперь спать спокойно. А ее муж бровью не повел, ко-

гда мы сказали, что будем копать у него в саду. Спокойный человек.

– Возможно, – сказал Вандузлер. – Но в конечном счете это не объясняет появления дерева.

– Вот именно, – подхватил Марк. – Не объясняет.

– Да плевать на дерево, – возразил Люсьен. – Может быть, его посадили на спор или что-нибудь в этом роде. У нас есть тридцать тысяч франков, и все довольны. Закапываем яму, а в девять часов вечера ложимся спать. Отход на тыловые позиции. Я смертельно устал.

– Нет, – сказал Вандузлер. – Сегодня вечером мы выходим в свет.

– Комиссар, – сказал Матиас, – Люсьен прав, мы выдохлись. Выходите сами, если хотите, но мы пойдем спать.

– Придется сделать усилие, святой Матфей.

– Меня зовут не святой Матфей, черт возьми!

– Конечно, – согласился Вандузлер, пожимая плечами, – ну и что с того? Матфей, Матиас... Люсьен, Лука... что так, что эдак. А мне приятно. На старости лет я окружен евангелистами. Где же четвертый? Да нигде. Что же получается?... Машина о трех колесах, телега о трех лошадях. Правда забавно.

– Забавно? Потому что она опрокинется в канаву? – спросил Марк раздраженно.

– Нет, – сказал Вандузлер. – Потому что она никогда не едет туда, куда хочется, туда, куда нужно. Она непредсказу-

ема. Вот что забавно. Не так ли, святой Матфей?

– Как вам угодно, – вздохнул Матиас, стискивая руки. – Во всяком случае, я не превращусь от этого в ангела.

– Прости, – сказал Вандузлер, – а что общего у евангелиста с ангелом? Но хватит об этом. Вечером у соседки будет дружеская вечеринка. У восточной соседки. Похоже, она частенько устраивает вечеринки. Любит повеселиться. Я принял приглашение и сказал, что мы придем вчетвером.

– Дружеская вечеринка? – возмутился Люсь-ен. – Ни за что. Бумажные стаканчики, кислое белое вино и картонные тарелки, полные всякой соленой ерунды. Ни за что. Даже сидя в дерьме, слышите меня, комиссар, и особенно сидя в дерьме, – ни за что. Даже на вашей хромой колеснице о трех лошадях – ни за что. Либо роскошный прием, либо ничего. Либо дерьмо, либо величие, и никаких компромиссов, никаких переходов. Никакой золотой середины. В золотой середине я теряюсь и впадаю в тоску.

– Это не у нее дома, – сказал Вандузлер. – У нее есть ресторан «Бочка» здесь неподалеку. Ей приятно угостить вас стаканчиком. Что тут плохого? Эта Жюльет с Востока стоит того, чтобы на нее взглянуть, а ее брат служит в издательстве. Может и пригодиться. А главное, там будет София Симеонидис с мужем. Они всегда приходят. И мне интересно на них посмотреть.

– София дружна с соседкой?

– Очень.

– Смычка между Восточным и Западным фронтом, – объявил Люсьен. – Мы рискуем попасть в клещи, нужен прорыв. Черт с ними, со стаканчиками.

– Вечером решим, – сказал Марк, которого утомляли изменчивые и настойчивые желания крестного. Чего добивается старина Вандузлер? Хочет отвлечься от своих мыслей? Или начать расследование? Да ведь оно закончилось, так и не начавшись.

– Тебе же сказали, что под деревом ничего нет, – напомнил Марк. – Забудь ты про эту вечеринку.

– Не вижу никакой связи, – сказал Вандузлер.

– Прости, но ты отлично ее видишь. Тебе хочется искать. Что угодно и где угодно, лишь бы искать.

– Ну и что?

– А то, что не выдумывай то, чего нет, только потому, что потерял то, что есть. Мы пошли закапывать.

Как бы то ни было, но в девять вечера Вандузлер увидел, как евангелисты пришли в «Бочку». Закопав траншею и переодевшись, они явились туда улыбающиеся и причесанные. «Записались добровольцами», – шепнул Люсьен на ухо комиссару. Жюльет приготовила ужин на двадцать пять персон и закрыла ресторан для публики. На самом деле вечеринка удалась: Жюльет, расхаживая между столиками, сказала Вандузлеру, что все три его племянника совсем недурны собой, а тот передал сообщение, приукрасив его. Что немедленно заставило Люсьена переменить мнение обо всем происходящем, Марк оценил комплимент, как, вероятно, и Матиас, хотя он хранил молчание.

Вандузлер объяснял Жюльет, что только один из трех – его племянник, тот, что в черном с золотом и серебром, но Жюльет не интересовала технические и семейные подробности. Она была из тех женщин, что смеются прежде, чем узнают конец истории. Так что смеялась она часто, и это нравилось Матиасу. Чудесный смех. Она напоминала ему его старшую сестру. Она помогала официанту разносить блюда и редко сидела на месте, скорее по природной склонности, чем по необходимости. София Симеонидис, напротив, была сама степенность. Изредка она поглядывала на троих землекопов и улыбалась. Рядом с ней восседал ее муж. Взгляд Вандузле-

ра задержался на нем, и Марк пытался понять, что он, собственно, надеялся обнаружить. Вандузлер часто притворялся. Делал вид, будто что-то нашел. Привычка полицейского.

Матиас наблюдал за Жюльет. Время от времени она о чем-то перешептывалась с Софией. Казалось, обе они прекрасно проводят время. Люсьену вдруг захотелось узнать, без всякой цели, есть ли у Жюльет друг, спутник жизни или кто-нибудь в этом роде. Поскольку он пил много вина, снискавшего его милость, ему показалось, что проще всего задать этот вопрос напрямик. Что он и сделал. И рассмешил Жюльет, которая сказала, что и сама не знает, как эта участь ее миновала. Так или иначе, но она одна-одинешенька. И это ее веселило. Легкий характер, подумал Марк, и позавидовал ей. Хотел бы и он так уметь. Он так не умел, но зато понял, что своим названием ресторан обязан форме двери, ведущей в подвал: ее каменные косяки были выгнутыми, чтобы пропускать большие бочки. Музейный экземпляр. Тысяча семьсот тридцать второй год, если верить дате, вырезанной на перекрытии. Интересно было бы заглянуть и в сам подвал. Если наступление на Восточном фронте не захлебнется, ему еще представится такой случай.

Наступление продолжилось. Непонятно как, но, когда наиболее отличившихся сморил сон, к трем часам ночи остались лишь Жюльет, София и обитатели Гнилой лачуги, сбившиеся за столиком, уставленном бокалами и пепельницами. Матиас оказался рядом с Жюльет, и Марк подумал, что под-

сел он незаметно, но нарочно. Ну и олух. Конечно, Жюльет может волновать, пусть даже она на пять лет старше их – Вандузлер выяснил ее возраст и распространил полученную информацию. Белая кожа, полные руки, облегающее платье, круглое лицо, длинные светлые волосы, а главное, ее смех. Но она и не стремилась обольщать, и тут не стоило обольщаться. Она как будто совершенно свыклась со своим ресторанным одиночеством, как и говорила. А вот Матиас явно свихнулся. Не то чтобы сильно, но все-таки. Когда ты в дерьме, не слишком разумно желать первую попавшуюся соседку, какой бы славной она ни была. Такие дела усложняют жизнь, а сейчас для этого не время. Потом тебе же придется страдать – кому, как не Марку, знать об этом? Хотя он, может, и ошибался. Матиас имел право быть взволнованным, и это еще не значило, что ему придется страдать.

Не замечая, как внимательно слушает застывший рядом Матиас, Жюльет рассказывала истории – про клиента, который ест чипсы вилкой, или еще про типа, который приходит по вторникам и за обедом смотрится в карманное зеркальце. В три часа утра все снисходительны к историям: и к тем, что приходится слушать, и к тем, что рассказываешь сам. Поэтому Старине Вандузлеру тоже позволили рассказать о кое-каких криминальных эпизодах. Он говорил медленно и убедительно. Это здорово нагоняло сон. Люсьена оставили все сомнения относительно необходимости противостоять наступлениям на Восточном и Западном фронтах. Матиас пошел

за водой и потом сел на первое попавшееся место, даже не в поле зрения Жюльет. Это удивило Марка, который обычно не ошибался насчет волнения, пусть даже легкого и мимолетного. Выходит, в душе у Матиаса читать не так легко, как у других. Может быть, он шифруется? Жюльет что-то сказала на ухо Софии. София покачала головой. Жюльет настаивала. Ничего не было слышно, но Матиас сказал:

– Если София Симеонидис не хочет петь, не надо настаивать.

Жюльет удивилась, а София вдруг передумала. И наступил тот редкостный миг, когда София Симеонидис пела перед четырьмя людьми, закрывшимися в «Бочке» в три часа ночи, пела тайно, под аккомпанемент Жюльет, у которой обнаружили некоторые способности, или, скорее всего, она просто привыкла играть на пианино для Софии. Видно, София иногда устраивала такие потайные сольные концерты после закрытия ресторана, для себя самой и для подруги.

По правде говоря, после редкостного мига никогда не знаешь, что сказать. На канавокопателей обрушилась усталость. Все встали, оделись. Закрыли ресторан и пошли в одну сторону. И лишь очутившись перед своим домом, Жюльет сказала, что позавчера один из официантов сыграл с ней злую шутку. Ушел без предупреждения. Жюльет запинаясь, ей было трудно договорить. Она собиралась завтра дать объявление, но, как ей показалось, вернее, она слышала, что...

– Что мы в дерьме, – закончил Марк.

– Ну да, – сказала Жюльет, мгновенно оживившись, когда главная трудность была преодолена. – Вот я и подумала сегодня за пианино, что, в конце концов, работа есть работа и место может заинтересовать одного из вас. Конечно, после университетов место официанта не предел мечтаний, но в ожидании лучшего...

– Откуда вы знаете, что мы учились? – спросил Марк.

– Это видно, когда сам не учился, – сказала Жюльет, смеясь в темноте.

Марк почему-то почувствовал себя неловко. Досадно оказаться разгаданным и предсказуемым.

– А как же пианино? – спросил он.

– Пианино – это другое, – объяснила Жюльет. – Мой дед был фермером и меломаном. Он отлично разбирался в свекле, льне, пшенице, ржи, картошке и музыке. В течение пятнадцати лет он заставлял меня брать уроки музыки. Такая вот у него была навязчивая идея... Приехав в Париж, я работала помощницей по хозяйству, и с пианино было покончено. Я смогла вернуться к нему лишь гораздо позже, когда дед оставил мне после смерти солидный капитал. У него было много гектаров и много навязчивых идей. Он поставил обязательное условие: для вступления в права наследства я должна возобновить занятия музыкой... Конечно, – продолжала Жюльет со смехом, – нотариус сказал мне, что такое условие не действительно. Но мне захотелось осуществить дедову навязчивую идею. Я купила дом, ресторан и пианино.

Вот как все получилось.

– И поэтому в меню часто встречается свекла? – спросил Марк с улыбкой.

– Вот именно, – сказала Жюльет. – Свекольные гаммы.

Пять минут спустя Матиас был принят на работу. Он улыбался, стискивал ладони. Позже, поднимаясь по лестнице, Матиас спросил у Марка, почему тот солгал, сказав, что не может занять это место, потому что у него есть кое-что на примете.

– Потому что это правда, – сказал Марк.

– Это неправда. Ничего у тебя на примете нет. Почему ты не согласился?

– Потому что берет тот, кто увидит первым, – сказал Марк.

– Что увидит?... Боже мой, где Люсьен? – спохватился он.

– Проклятье, боюсь, мы оставили его внизу.

Люсьен, выпивший вина не меньше, чем поместилось бы в двадцати картонных стаканчиках, не смог преодолеть первый лестничный пролет и заснул на пятой ступеньке. Марк и Матиас подхватили его под мышки.

Тут в дом вошел Вандузлер, он проводил Софию до ее дверей и был в прекрасной форме.

– Дивная картина, – прокомментировал он. – Три евангелиста, цепляясь друг за друга, пытаются совершить невозможное вознесение.

– Черт возьми, – сказал Матиас, приподнимая Люсьена, –

и зачем мы поселили его на четвертом этаже?

– Откуда нам было знать, что он станет пить как прорва? – сказал Марк. – И если ты помнишь, мы не могли поступить иначе. Хронология прежде всего: на первом этаже непознанное, первородная тайна, всеобщее дерьмо, горнило кипящее, короче, места общего пользования. На втором – первые ростки, пробивающиеся из хаоса, робкий лепет, в молчании выпрямляется голый человек, короче – там ты, Матиас. Поднимаясь выше по шкале времени...

– Что он там вещает? – спросил старина Ван-дузлер.

– Он произносит речь, – объяснил Матиас. – Это все-таки его право. Ораторы часов не наблюдают.

– Поднимаемся выше по шкале времени, – продолжал Марк, – перепрыгиваем через античность и вступаем в славное второе тысячелетие, со всеми контрастами, дерзаниями и муками, присущими Средневековью, короче, на третьем этаже – я. Выше – упадок, декаданс, современность. Одним словом – он, – Марк потряс Люсьена за руку. – Он, на четвертом этаже, замыкает культурные слои истории и лестницы своей постыдной Первой мировой. Еще выше – крестный, продолжающий гробить нынешнюю эпоху на свой совершенно особый лад.

Марк перевел дыхание.

– Понимаешь, Матиас, даже если и удобнее было бы поселить этого типа на втором этаже, мы не можем себе позволить перевернуть всю хронологию, опрокинуть культурные

слои лестницы. Шкала времени, Матиас, – это все, что нам осталось! Мы не можем уничтожить эту лестничную клетку, единственное, что нам удалось привести в должный порядок. Единственное, старина Матиас! Мы не можем ее разорить.

– Ты прав, – торжественно подтвердил Матиас. – Не можем. Придется тащить Первую мировую на четвертый этаж.

– Если мне будет позволено высказаться, – ласково вмешался Вандузлер, – вы здорово набрались, что один, что другой, и мне хотелось бы, чтобы вы наконец затолкали святого Луку на соответствующий ему культурный слой и позволили мне добраться до неблагоприятных пажитей нынешних времен, где я обитаю.

На следующий день в половине двенадцатого Лю-сьен с превеликим удивлением наблюдал за тем, как Матиас кое-как собирается выйти на работу. Последние эпизоды вечеринки, в частности вступление Матиаса в должность официанта у Жюльет Гослен, остались ему совершенно неизвестны.

– Представь себе, – сказал Матиас, – ты даже дважды заключал в объятия Софию Симеонидис, чтобы отблагодарить ее за пение. Вышло несколько фамильярно, Люсьен.

– Ничего не припоминаю, – признался Люсьен. – Так, значит, ты завербовался на Восточный фронт? И ты выступаешь в поход довольный? С цветком в винтовке? А известно ли тебе, что всегда так кажется, будто выберешься из дерьма за

две недели, а на самом деле увязает в нем навек?

– Ты правда пил как воронка, – сказал Матиас.

– Как воронка от снаряда, – уточнил Люсьен. – Удачи тебе, солдат.

Матиас усердно трудился на Восточном фронте. Когда у Люсьена не было уроков, он вместе с Марком переходил линию фронта, и они отправлялись обедать в «Бочку», чтобы оказать Матиасу моральную поддержку и еще потому, что им там было хорошо. По четвергам там обедала и София Симео-нидис. И так каждый четверг на протяжении многих лет.

Матиас обслуживал медленно, разнося по одной чашке и не занимаясь эквилибристикой. Три дня спустя он заметил клиента, который ел чипсы вилкой. Неделю спустя у Жюльет вошло в привычку отдавать ему то, что оставалось на кухне, и меню в Гнилой лачуге улучшилось. Через девять дней София пригласила Марка и Люсьена пообедать вместе с ней. В следующий четверг, шестнадцать дней спустя, София исчезла.

В пятницу ее никто не видел. Обеспокоенная Жюльет спросила у святого Матфея, нельзя ли ей после закрытия увидеть старого комиссара. Матиас был очень раздосадован, что Жюльет зовет его святым Матфеем, но поскольку Вандузлер Старший назвал троих мужчин, с которыми делил кров, такими высокопарными именами, когда впервые заговорил с ней о них, она уже не могла выкинуть этих имен из головы. Заперев «Бочку», Жюльет вместе с Матиасом отправилась в Гнилую лачугу. Он разъяснил ей систему хроно-

логической градации лестничных клеток, чтобы она не была шокирована тем, что самый старший живет на последнем этаже.

Запыхавшись после быстрого подъема на пятый этаж, Жюльет уселась напротив Вандузлера, чье лицо тотчас приняло сосредоточенное выражение. Жюльет вроде бы и ценила евангелистов, но предпочитала совет старого комиссара. Матиас, прислонившись к косяку, подумал, что на самом деле она предпочитала физиономию старого комиссара, и эта мысль привела его в легкое раздражение. Чем внимательнее слушал старикан, тем он казался красивее.

Люсьен, вернувшись из Реймса, куда его пригласили за хорошую плату прочитать лекцию об «увязании фронта», потребовал краткого отчета о событиях. София так и не появилась. Жюльет ходила к Пьеру Реливо, который сказал, что волноваться нечего, она вернется. Он казался озабоченным, но говорил уверенно. Это наводило на мысль, что София как-то объяснила свой уход. Но Жюльет не понимала, почему ей она ничего не сказала. Ее это тревожило. Люсьен пожал плечами. Не в обиду Жюльет будь сказано, но София вовсе не обязана обо всем ей докладывать. Однако Жюльет стояла на своем. София не пропустила ни одного четверга, не предупредив ее. Специально для Софии готовили рагу из телятины с грибами. Люсьен пробормотал, что рагу из телятины ничего не значит, когда случается что-то непредвиденное, не терпящее отлагательства. Но для Жюльет, конечно,

рагу из телятины – прежде всего. Однако Жюльет далеко не глупа. Обычная история: стоило ей отвлечься от повседневных забот, от самой себя и от рагу из телятины, как она сморозила глупость. Она надеялась, что старый комиссар сумеет что-то вытянуть из Пьера Реливо. Хотя, как она поняла, Ван-дузлера нельзя считать образцовым полицейским.

– Но все же, – сказала Жюльет, – полицейский остается полицейским...

– Не обязательно, – возразил Марк. – Разжалованный полицейский может стать антиполицейским, а то и наоборот.

– Может, ей надоело рагу из телятины? – спросил Вандузлер.

– Вовсе нет, – сказала Жюльет. – Она даже ест его по-особому. Выкладывает в ряд грибы, вроде нот на нотном стане, и методически опустошает тарелку, такт за тактом.

– Организованная женщина, – заметил Вандузлер. – Не из тех, кто исчезает без предупреждения.

– Если муж не беспокоится, – сказал Люсьен, – значит, у него на то есть веские причины, и он не обязан выставлять напоказ свою частную жизнь только потому, что его жена дезертировала и пренебрегла рагу. Оставим все как есть. Женщина вправе на некоторое время исчезнуть, если ей приспичило. Не понимаю, к чему устраивать за ней погоню.

– И все-таки у Жюльет что-то есть на уме, чего она нам не говорит, – сказал Марк. – Дело ведь не только в рагу, верно, Жюльет?

– Верно, – призналась Жюльет.

Она была хороша собой в слабом свете, озарявшем чердак. Охваченная тревогой, она не думала об одежде. Сидела, наклонившись вперед и скрестив руки, так что платье не вплотную прилегало к ее телу, и Марк отметил, что Матиас встал как раз напротив нее. Опять это его застывшее волнение. И есть от чего, надо признать. Белое полное тело, круглый затылок, обнаженные плечи.

– Но если София завтра вернется, – продолжала Жюльет, – я не прощу себе, что разболтала ее маленькие секреты обычным соседям.

– Можно быть соседями, но не совсем обычными, – возразил Люсьен.

– И есть еще дерево, – мягко сказал Вандузлер. – Дерево вынуждает говорить.

– Дерево? Что за дерево?

– Об этом позже, – сказал Вандузлер. – Расскажите, что известно вам.

Трудно противиться мягкому голосу старого полицейского. Непонятно, почему Жюльет должна быть исключением.

– Из Греции она приехала с другом, – говорила Жюльет. – Звали его Стелиос. Она рассказывала, что он был ей предан, защищал ее, но, насколько я поняла, он также был фанатичным, привлекательным и подозрительным, никого к ней не подпускал. Стелиос носил Софию на руках, но он глаз с нее не спускал, не отходил от нее ни на шаг. До тех пор, пока

она не встретила Пьера и не бросила своего спутника. Кажется, это была ужасная драма, и Стелиос пытался покончить с собой. Да, точно, он хотел утопиться, но ничего не вышло. Тогда он поднял страшный шум, размахивал руками, угрожал, ну а потом о нем не было ни слуху ни духу. Вот и все. Ничего потрясающего. Разве только то, как София говорит о нем. Она так и не успокоилась. Думает, что однажды, не сегодня-завтра, Стелиос вернется, и тогда всем будет не до смеха. Говорит, он «настоящий грек», то есть, как я понимаю, напичкан старыми греческими историями, а это никогда не проходит. Греки в свое время что-то из себя представляли. София говорит, не надо забывать об этом. Короче, три месяца назад, нет, три с половиной, она показала мне открытку, которую получила из Лиона. На этой открытке была нарисована только звезда, к тому же корявая. На меня она не произвела впечатления, но Софию она потрясла. Я считала, что звезда означает снег или Рождество, но София была уверена, что она означает Стелиоса и что это не предвещает ничего доброго. Видно, Стелиос всегда рисовал звезды, а греки выдумали, будто звезд надо остерегаться. Но больше ничего не случилось, и она забыла. Тем все и кончилось. А теперь я вот думаю... Я вот думаю, а вдруг София снова получила открытку. Может, у нее были веские причины испугаться. Чего-то такого, что трудно понять. Греки ведь что-то из себя представляли...

– Сколько лет она замужем за Пьером? – спросил Марк.

– Уже давно... Лет пятнадцать-двадцать... – сказала Жюльет. Честно говоря, мне не верится, чтобы кто-то захотел отомстить двадцать лет спустя. Все-таки в жизни есть чем заняться, кроме пережевывания своих обид. Вы представляете? Если бы все брошенные любовники в мире стали пережевывать свои обиды, чтобы отомстить за себя, земля превратилась бы в настоящее поле битвы. В пустыню... Разве не так?

– Бывает, что о ком-то вспоминаешь и много лет спустя, – сказал Вандузлер.

– Я понимаю, когда убивают сразу, – продолжала Жюльет, не слыша его, – всякое бывает. Можно потерять голову. Но что можно сходить с ума двадцать лет спустя, мне как-то не верится. Однако София вроде в это верит. Должно быть, что-то греческое, я и сама не знаю. Рассказываю вам потому, что София придает этому значение. Мне кажется, она немного злится на себя за то, что бросила своего грека, и так как Пьер ее разочаровал, возможно, она таким образом вспоминает о Стелиосе. Говорит, что боится его, но я думаю, ей очень приятно думать о Стелиосе.

– А Пьер ее разочаровал? – спросил Матиас.

– Да, – сказала Жюльет. – Пьер уже ни на что не обращает внимания, во всяком случае на нее. Только разговаривает. Беседует, как говорит София, и часами читает газеты, не поднимая головы, когда она проходит мимо. Кажется, на него это находит с самого утра. Я, конечно, сказала, что это

нормально, но ей с того не легче.

– Ну и что? – сказал Люсьен. – Чего вы хотите? Если она отправилась прогуляться со своим приятелем-греком, какое нам дело!

– А как же рагу с грибами? – упрямо твердила Жюльет. – Она бы меня предупредила. Так или иначе, я предпочла бы знать, где она. Так мне было бы спокойнее.

– Дело даже не в рагу, – сказал Марк, – а в дереве. Не знаю, можем ли мы сидеть сложа руки, когда женщина исчезает без предупреждения, ее мужу наплевать, а в саду вырастает дерево. Это уж слишком. Что ты скажешь, комиссар?

Арман Вандузлер поднял свою смазливую физиономию. Он выглядел как полицейский. Сосредоточенный взгляд, ушедший куда-то под брови, внушительный, угрожающий нос. Марк знал это выражение. У крестного было такое подвижное лицо, что он научился узнавать различные регистры его мыслей. Низкие басовые тона – его близнецы и женщина, исчезнувшие в неизвестном направлении, средние – полицейские дела, в верхнем регистре – девчонка, которую дядя задумал соблазнить. Это если упрощать. Но иногда все перемешивалось, тогда разобраться было сложнее.

– Я обеспокоен, – сказал Вандузлер. – Но сам я мало что могу предпринять. Насколько я могу судить, Пьер Реливо не станет откровенничать с первым попавшимся старым продажным полицейским. Ни за что не станет. Такой человек подчинится только официальной власти. Однако надо выяс-

нить.

– Что? – спросил Марк.

– Выяснить, сообщила ли София мужу причину своего отъезда, если да, то какую, и узнать, есть ли что-нибудь под деревом.

– Вы опять за свое! – вскричал Люсьен. – Под чертовым деревом ничего нет! Ничего, кроме глиняных трубок восемнадцатого века! Причем битых...

– Под деревом ничего *не было*, – уточнил Вандузлер. – А... теперь?

Жюльет в недоумении переводила взгляд с одного на другого.

– О каком дереве вы говорите? – спросила она.

– О молодом буке возле задней стены у нее в саду, – сказал Марк нетерпеливо. – Она нас попросила выкопать под ним яму.

– Бук? Новое деревце? – удивилась Жюльет. – Но Пьер сам мне говорил, что велел посадить его, чтобы прикрыть стену!

– Смотри-ка, – сказал Вандузлер, – это совсем не то, что он говорил Софии.

– Зачем ему понадобилось сажать ночью дерево и скрывать это от жены? Просто чтобы ее напугать? Какая-то дурацкая извращенность, – сказал Марк.

Вандузлер повернулся к Жюльет.

– София больше ничего не рассказывала про Пьера? Мо-

жет, у нее появилась соперница?

– Она об этом знать не знает, – сказала Жюльет. – Пьер иногда подолгу пропадает по субботам и воскресеньям. Проветривается. Во все эти разговоры насчет проветривания верится с трудом. Вот и ей не верится. Меня, например, хоть это не беспокоит. Так что нет худа без добра.

Она рассмеялась. Матиас, по-прежнему застывший, не сводил с нее глаз.

– Надо разобраться, – сказал Вандузлер. – Я попробую встретиться с мужем, что-нибудь из него вытянуть. Святой Лука, ты завтра на занятиях?

– Его зовут Люсьен, – пробормотал Матиас.

– Завтра суббота, – сказал Люсьен. – У святых, у солдат в увольнении и у многих прочих это выходной.

– Вы с Марком будете следить за Пьером Ре-ливо. Он человек занятой и осторожный. Если у него есть любовница, скорее всего он поместил ее в классический раздел суббота – воскресенье. Вы уже за кем-нибудь следили? Знаете, как это делается? Нет, конечно. Не считая ваших исторических расследований, вы ни на что не годны. И однако три ищейки во Времени, способные уловить в свои сети неуловимое прошлое, должны быть способны идти по следу и в настоящем. Если, конечно, настоящее вам не противно?

Люсьен скорчил гримасу.

– А как же София? – сказал Вандузлер. – Вам на нее плевать?

– Разумеется, нет, – сказал Марк.

– Вот и отлично. Святой Лука и святой Марк, вы будете водить Реливо на поводке весь уикенд. Глаз с него не спускайте. Святой Матфей работает, пусть сидит в своей бочке с Жюльет. Однако пусть держит ухо остро, мало ли что. Ну а дерево...

– Что же делать? – сказал Марк. – Мы не можем снова прикинуться муниципальными рабочими. Ты ведь не думаешь в самом деле, что...

– Все возможно, – возразил Вандузлер. – С деревом придется действовать напрямик. Легенек нам подойдет. Он крепкий малый.

– Кто такой Легенек? – спросила Жюльет.

– Один тип, мы с ним сыграли немало потрясающих партий в карты, – сказал Вандузлер. – Даже изобрели невиданную игру под названием «китобоец». Потрясающе. Он знает толк в морском деле, в молодости был рыбаком. Знаете, ловил рыбу в Ирландском море. Потрясающе.

– И при чем здесь картежник из ирландских морей? – спросил Марк.

– Этот рыбак-картежник стал полицейским.

– Вроде тебя? – спросил Марк. – Ловил рыбку в мутной воде?

– Вовсе нет. Поэтому он все еще полицейский. Теперь даже главный инспектор комиссариата тринадцатого округа. Один из немногих, кто, когда меня вытурили, заступался за

меня. Но сказать ему сам я не могу, это поставит его в неловкое положение. Имя Вандузлера в этом заведении еще не забыли. Пусть этим займется святой Матфей.

– И под каким же предлогом? – возмутился Матиас. – Что я скажу этому Легенеку? Мол, одна дама не вернулась домой, а муж и в ус не дует? До введения нового порядка любой взрослый свободен идти куда ему заблагорассудится, без того чтобы в дело вмешивалась полиция, черт побери.

– Предлог? Нет ничего проще. Мне кажется, недели две тому назад трое типов копались у дамы в саду, выдав себя за муниципальных рабочих. Мошенничество. Вот превосходный предлог. Ты сообщишь ему другие подробности, и Легенек поймет с полуслова. Он примчится.

– Спасибо, – сказал Люсьен. – Комиссар убеждает нас идти копать, а потом натравливает на нас полицейских. Великолепно.

– Раскинь мозгами, святой Лука. Я натравливаю на вас Легенека, это не одно и то же. Матиас не должен называть имена землекопов.

– Легенек сам их узнает, раз он такой ловкий!

– Я не говорил, что он ловкий, я сказал, что он – крепкий малый. Но имена он и правда узнает, потому что я их ему скажу, только позже. Если будет необходимо. Я скажу тебе, когда вмешаться, святой Матфей. А пока, я полагаю, Жюльет устала.

– И то правда, – сказала она, поднимаясь. – Пойду домой.

В самом деле, нужно ли впутывать сюда полицию?

Жюльет посмотрела на Вандузлера. Его слова, казалось, ее приободрили. Теперь она улыбалась ему. Марк взглянул на Матиаса. Красота крестного была старой, она немало послужила, но все еще работала. Что могут неподвижные черты Матиаса против старой, потрепанной, но действенной красоты?

– Думаю, – сказал Вандузлер, – главное сейчас – идти спать. Завтра утром я загляну к Пьеру Реливо. После чего эстафету примут святой Лука и святой Марк.

– Боевое задание, – сказал Люсьен.

И улыбнулся.

Вандузлер, забравшись на стул, высунулся в форточку и наблюдал за пробуждением дома справа. Западный фронт, как говорил Люсьен. Этот малый в самом деле неуравновешенный. Хотя он, говорят, написал несколько серьезных книжек о неизвестных сторонах той заварушки четырнадцатого – восемнадцатого. Как только можно интересоваться подобным старьем, когда в любом саду происходят потрясающие истории? Впрочем, возможно, это тоже расследование.

Может, стоит постараться не называть их больше святыми такими и сякими. Это их раздражает, ясное дело. Они уже не пацаны. Да, но его-то это забавляет. Даже больше чем забавляет. А до сих пор Вандузлер никогда не отказывался от того, что доставляло ему удовольствие. Он еще поглядит, что они сумеют разнюхать о настоящем, эти три ищейки во Времени. Искать так искать, какая разница между жизнью охотников-собирателей, монахов-цистерцианцев, рядовых пехотинцев и жизнью Софии Симеонидис? А пока следует держать под наблюдением Западный фронт, дожидаться пробуждения Пьера Реливо. Ждать, верно, долго не придется. Малый не из тех, кто любит поваляться в постели. Он прилежный и энергичный тип, довольно занудная разновидность.

Около половины десятого Вандузлер, заметив шевеление в доме, заключил, что Пьер Реливо созрел. Созрел для него, Армана Вандузлера. Он спустился с пятого этажа, поздоровался с евангелистами, уже собравшимися в общей комнате. Евангелисты, сомкнув ряды, поглощали завтрак. Возможно, его забавлял именно контраст между именами, которые он им дал, и делами. Вандузлер пошел звонить в соседскую дверь.

Пьеру Реливо вторжение пришлось не по вкусу. Вандузлер это предвидел и выбрал открытую атаку: он бывший полицейский, обеспокоен исчезновением его жены, хочет задать несколько вопросов и не лучше ли ему войти. Пьер Реливо отвечал точно так, как и ожидал Вандузлер, а именно что это касается его одного.

– Все верно, – признал Вандузлер, без приглашения устраниваясь на кухне, – но есть одна загвоздка. Полиция может все-таки решить, что ее это тоже касается, и нанести вам визит. Вот я и рассудил, что предварительный совет старого полицейского может оказаться полезен.

Как и ожидалось, Пьер Реливо нахмурил брови.

– Полиция? Чего ради? Насколько я понимаю, моя жена имеет полное право отлучиться?

– Разумеется. Но возникло досадное стечение обстоятельств. Помните, чуть более двух недель тому назад к вам приходили трое рабочих, копали канаву в саду?

– Конечно. София сказала мне, что они проверяли старый

электрокабель. Я не придавал этому значения.

– И напрасно, – сказал Вандузлер. – Потому что это были не муниципальные служащие, и не служащие Электриситэ-де-Франс, и вообще не служащие приличной конторы. В вашем саду никогда не было никакого кабеля. Эти трое солгали.

– Ерунда! – возмутился Реливо. – Что за чушь вы несете? И при чем тут полиция и София?

– Вот тут-то все и закрутилось, – заявил Вандузлер с видом искреннего сочувствия к Реливо. – Кто-то из местных любителей совать нос не в свое дело, и уж точно не ваш доброжелатель, догадался об обмане. Скорее всего, он узнал кого-то из рабочих и порасспросил его. Он-то и уведомил полицию. А мне стало об этом известно благодаря моим тайным связям.

Вандузлер врал легко и вдохновенно. Чувствовал он себя при этом совершенно непринужденно.

– В полиции над ним посмеялись и забыли, – продолжал он. – Но они уже не смеялись, когда тот же раздосадованный свидетель сунул свой нос еще дальше и сообщил им, что ваша жена, как поговаривают в квартале, «исчезла без предупреждения». А также о том, что именно по просьбе вашей жены и производилось незаконное рытье траншеи, с тем чтобы она прошла как раз под молодым буком, который вы там видите.

Говоря о дереве, Вандузлер небрежно ткнул пальцем в

сторону окна.

– Это дело рук Софии? – сказал Реливо.

– Это сделала она. По словам того свидетеля. Так что полиции известно о том, что ваша жена была встревожена внезапным появлением в ее саду какого-то дерева. Что она велела копать под ним. И что потом она исчезла. Для полиции это уже перебор, за две-то недели. Нужно их понять. Они способны беспокоиться из-за всякой ерунды. И они, без всяких сомнений, явятся сюда, чтобы задать вам несколько вопросов.

– А тот «свидетель» – кто он?

– Не назвался. Люди трусливы.

– А вам-то какое до всего этого дело? Если полиция явится ко мне, каким боком это касается вас?

Вандузлер предвидел и этот банальный вопрос. Пьер Реливо был человек добросовестный, упрямый, без явных признаков оригинальности. Поэтому старый комиссар и ставил на стандартную любовницу по субботам и воскресеньям. Вандузлер посмотрел на него. Лысоват, толстоват, не без приятности, всего понемногу. До сих пор управлять им было не слишком сложно.

– Скажем, если я смогу подтвердить вашу версию событий, это их наверняка успокоит. Меня там помнят.

– Зачем вам нужно оказывать мне услугу? Чего вы от меня хотите? Денег?

Вандузлер с улыбкой покачал головой. Реливо был еще и

глуповат.

– Однако, – настаивал Реливо, – простите, если ошибаюсь, но мне кажется, что в этой вашей лачуге вы сидите в полном...

– Дерьме, – закончил Вандузлер. – Это точно. Я вижу, что вы лучше информированы, чем кажется на первый взгляд.

– Нуждающиеся – моя профессия, – сказал Реливо. – Но как бы то ни было, сказала мне об этом София. Значит, таков ваш мотив?

– В прошлом полиция безо всякой необходимости причинила мне кое-какие неприятности. Когда на них находит, они могут зайти далеко, останавливаться они не умеют. С тех пор я стараюсь избавлять других от подобных нелепостей. Стараюсь отыграться, если хотите. Такое вот антиполицейское расположение духа. К тому же меня это занимает. Вполне бескорыстно.

Вандузлер дал Пьеру Реливо время обдумать такой благовидный и слабо обоснованный мотив. Похоже, тот его проглотил.

– Что вы хотите знать? – спросил Реливо.

– То же, что захотят узнать они.

– А именно?

– Где София?

Пьер Реливо встал, развел руками и прошелся по кухне.

– В отъезде. Она вернется. Нет причины делать из мухи слона...

– Они захотят узнать, почему вы не делаете из мухи слона.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.